
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

RETROSPECTIVE EXPERIENCE OF CRIME COUNTERACTION

УДК 930:343.81:94(470)“18.../1917”
DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(4).484-494

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ НАУКИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО (ТЮРЕМНОГО) ПРАВА — ТЮРЬМОВЕДЕНИЯ — КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ РУССКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

К.К. Кораблин, А.Б. Остапенко

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

11 января 2021 г.

Дата принятия в печать

15 августа 2021 г.

Дата онлайн-размещения

10 сентября 2021 г.

Ключевые слова

Российская империя; пенитенциарное (тюремное) право; тюрьмоведение; наказание в виде лишения свободы; тюремное заключение; осужденные; заключенные; арестанты

Аннотация. Анализируется исторический опыт становления и развития науки пенитенциарного (тюремного) права — тюрьмоведения — как самостоятельной отрасли русского уголовного права, формирование которой приходится на вторую половину XIX — начало XX в. Особое внимание уделяется процессу институционализации наказания в виде лишения свободы, теоретическая основа которого была заложена выдающимися представителями русского дореволюционного тюрьмоведения. В указанный период известными учеными-юристами, практиками, общественными деятелями, публицистами, писателями были внимательно изучены проблемы в области организации и функционирования отечественного тюремного ведомства, внесены предложения по его оптимизации, повышению эффективности его работы в вопросах реализации основополагающих принципов исполнения уголовных наказаний в отношении лиц, совершивших противоправные деяния. Отмечается, что изучением института наказания в истории русского уголовного права занимались многие представители юридической науки и практики, являвшиеся не только видными его теоретиками, но и высокоэффективными практиками — организаторами тюремного дела. Однако и сегодня, в процессе формирования в России цивилизованной, гуманной, основанной на международных нормах и правилах пенитенциарной системы, ощущается острый недостаток в комплексных научных разработках, всесторонне раскрывающих и характеризующих современную науку уголовно-исполнительного права, получившую во второй половине XIX — начале XX столетия неофициальное название — тюрьмоведение. С учетом исторического прошлого нашей страны совершенно очевидным представляется тот факт, что комплексный подход к исследованию фундаментальных принципов исполнения наказания в виде лишения свободы способствует дальнейшему развитию отечественной юридической науки, формированию объективной оценки роли и места пенитенциарных учреждений в системе специально уполномоченных органов государства, наделенных исключительным правом вести борьбу с преступностью. На основе изученного эмпирического материала делается вывод о необходимости глубокого анализа и широкого использования богатого исторического наследия, благодаря которому процесс обогащения современной юридической науки и практики новыми знаниями будет идти динамично и последовательно.

DEVELOPING THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR THE SCIENCE OF PENITENTIARY (PRISON) LAW — PRISON STUDIES — AS AN INDEPENDENT BRANCH OF RUSSIAN CRIMINAL LAW (SECOND HALF OF THE XIX — BEGINNING OF THE XX CENTURY)

Konstantin K. Korablin, Anna B. Ostapenko

Pacific National University, Khabarovsk, the Russian Federation

Article info

Received

2021 January 11

Accepted

2021 August 15

Abstract. The authors analyze the historical experience of the emergence and development of the science of penitentiary (prison) law — prison studies — as an independent branch of Russian criminal law that was formed in the second half of the 19th — beginning of the 20th centuries. They pay special attention to the institutionalization of the punishment of incarceration whose theoretical foundation was laid by outstanding

© Кораблин К.К., Остапенко А.Б., 2021

Available online
2021 September 10

Keywords

The Russian empire; penitentiary (prison) law; prison studies; punishment of imprisonment; imprisonment; convicts; prisoners; inmates

representatives of Russian pre-revolutionary prison studies. In this historical period, famous legal scholars, practitioners, public figures, political and fiction writers studied problems of the organization and functioning of the Russian prison service, they offered suggestions on its optimization, on improving the effectiveness of its functioning regarding the implementation of the basic principles of punishment for persons who committed illegal actions. It is noted that in the history of Russian criminal law, the institute of punishment was studied by many representatives of legal science and practice who were not only outstanding scholars, but also highly effective organizers of prison work. However even today, in the process of establishing a civilized, humane, international law- and norm-based penitentiary system in Russia, there is an acute lack of complex research which would offer a comprehensive description and characteristic of the contemporary science of penitentiary law that became unofficially known as prison studies in the second half of the 19th — first half of the 20th centuries. Taking into account the historical past of our country, it is evident that a complex approach to researching the fundamental principles of the punishment of incarceration contributes to the further development of Russia legal science, to the objective assessment of the role and place of penitentiary institutions in the system of especially authorized state bodies that possess an exclusive right to counteracting crime. The studied empirical materials allowed the authors to conclude that it is necessary to analyze and widely use this rich historical legacy, which would help contemporary legal research and practice gain new knowledge in a dynamic and consistent way.

В настоящее время опыт многих стран свидетельствует о том, что пребывание в местах лишения свободы вместо провозглашаемого пенитенциарной наукой исправления превращает большинство осужденных в еще более опасных преступников. Однако ни одно общество не может мириться с безнаказанностью и оставлением на свободе лиц, совершивших тяжкие уголовные преступления. В этой связи представители передовых кругов общественности, властных структур, видные деятели юридической науки и практики, правозащитники осуществляют поиск оптимальной модели функционирования института исполнения наказания в виде лишения свободы, который бы не только выполнял свою основную функцию в виде изоляции от общества лиц, совершивших уголовные преступления, но и успешно решал комплекс социально-правовых, психолого-педагогических, повседневных бытовых задач, связанных с оказанием осужденному необходимой помощи и содействия в вопросах адаптации, ресоциализации, возвращения в социум в качестве его полноправного члена, не превращая бывшего заключенного в закоренелого преступника-рецидивиста.

Мировое признание сегодня получают научные изыскания, направленные на изучение различных форм участия осужденных в жизнедеятельности пенитенциарного учреждения (например, в различных социально-культурных, творческих, образовательных мероприятиях, спортивных соревнованиях, конкурсах профес-

сионального мастерства и т.п.), их влияния на снижение рецидива совершаемых преступлений, проблем качественного улучшения психологического микроклимата в местах лишения свободы, повышения личностной самооценки заключенных и др. Как показывают недавние исследования, проведенные в одной из тюрем Бельгии, осужденные, вовлеченные в выше-названные виды деятельности, после отбытия ими срока наказания значительно быстрее ресоциализируются и переходят к нормальной повседневной жизни. Это является определенным стимулом, расширяющим возможности участия указанных лиц в различных видах общественно полезной деятельности, с учетом их личностных характеристик, потребностей и профессиональных компетенций [1, р. 669].

Чтобы построить в России современную, основанную на международных стандартах уголовно-исполнительную систему, Федеральной службе исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации, являющейся проводником государственной пенитенциарной политики, необходимо энергичнее внедрять в свою деятельность передовой опыт зарубежных стран в сфере организации воспитательной, социальной, психологической работы с осужденными; последовательно осуществлять модернизацию пенитенциарного производства; повышать уровень вовлеченности осужденных в трудовые процессы; создавать в местах лишения свободы дополнительные рабочие места; расширять перечень образовательных услуг,

предоставляемых осужденным (в том числе с применением новейших информационных технологий), с целью обеспечения их дальнейшего профессионального роста¹.

Становление русского дореволюционного тюрьмоведения как составной части науки русского уголовного права приходится на вторую половину XIX — начало XX в. Труды большинства известных специалистов, стоявших у истоков этой отрасли юридических знаний, в основном были посвящены теоретико-правовым проблемам исполнения наказания в виде лишения свободы, поиску различных форм и методов совершенствования системы управления пенитенциарными учреждениями, изучению особенностей проведения тюремных преобразований на различных этапах формирования российской государственности, внедрению в практику отечественного тюрьмоведения передового опыта зарубежных стран (Англия, Германия, Франция, Италия, Австрия, Бельгия, Швейцария), использованию ресурсно-трудового потенциала карательной (тюремной) системы с целью реализации политики по принудительной (штрафной) колонизации (заселению и освоению) отдаленных территорий, расположенных на окраинах Российской империи, и др.

По мнению В.А. Уткина, в истории отечественной пенитенциарной науки можно выделить три основных социально-политических периода: досоветский (до 1917 г. — пенитенциарное право), советский (с 1917 по 1991 г. — исправительно-трудовое право) и постсоветский (с 1991 г. по настоящее время — уголовно-исполнительное право) периоды. В рамках каждого из них эта сфера научных знаний прошла несколько этапов, характеризующихся системной кодификацией законодательства и изменениями государственной политики в области применения (назначения и исполнения) уголовных наказаний [2, с. 69].

Л.П. Рассказов и другие авторы отмечают, что отечественная историко-правовая наука всегда уделяла пристальное внимание проблемам формирования тюремного права в России, становление и развитие которого происходили в рамках трех исторических этапов: дореволюционного (до 1917 г.), советского (1917–1991 гг.) и современного (с 1991 г.) [3, с. 15].

¹ Публичная декларация целей и задач Федеральной службы исполнения наказаний // ФСИН России : офиц. сайт. URL: http://fsin.su/activity/realizatsiyakontseptsiiotkrytosti/Publichnaya%20deklaraciya_2018.pdf.

Заслуживает внимания и точка зрения таких известных правоведов, как Л.Ю. Грудцына, С.М. Оганесян, Д.А. Пашенцев, считающих, что в истории тюремного заключения в России можно выделить три временных отрезка: устрашающий, филантропический, уголовно-политический [4, с. 7].

Общеизвестно, что в Российской империи во второй половине XIX — начале XX столетия наука об исполнении уголовных наказаний (пенитенциарное, или тюремное, право — тюрьмоведение) находилась на периферии отраслей юридических знаний и представляла интерес лишь для определенных социальных слоев общества, где шел активный процесс зарождения гуманистических и революционно-демократических идей. Само ее название свидетельствует о том, что, с одной стороны, она ограничивала свой предмет изучения лишь одним из видов уголовных наказаний — лишением свободы, а с другой — эта наука выходила за рамки сугубо юридической, охватывая весь спектр проблем, непосредственно связанных с организацией тюремного дела (от системы управления местами заключения до архитектурных проектов тюремных замков и их библиотек).

Некоторая узость изучаемой проблематики во многом была связана с тем, что в рассматриваемый период обеспечение прав человека в местах лишения свободы не расценивалось как сколько-нибудь значимое направление в проводимых научных исследованиях, а оставалось лишь прерогативой деятельности тюремных практиков — организаторов тюремного дела, отдельных частных лиц, выступающих в качестве филантропов, и членов попечительских тюремных обществ [3]. Многие зарубежные эксперты — К. Руссо (X. Rousseaux), Л. Кнафла (L. Knafla), К. Емсли (C. Emsley), Г. Дидерикс (H. Diederiks) — также считают, что «отношение к изучению преступности как маргинальному предмету научного поиска является непреодолимым препятствием для дальнейшего развития новых научных направлений в этой сфере» [5, р. 87–88].

Дореволюционный период отечественной истории наглядно показывает, что пенитенциарное (тюремное) право получило свое развитие в трудах таких известных ученых, мыслителей, публицистов, писателей, общественных деятелей, как М.Н. Анненков, Е.Н. Анучин, С.И. Баршев, Н.В. Варадинов, М.Ф. Владимирский-Буданов, Л.Э. Вольфринг, М.Н. Гернет, С.К. Гогель, А.С. Гольденвейзер, В.М. Дорошевич, Ф.М. До-

стоевский, Д.А. Дриль, А.А. Жижиленко, В.Д. Жижин, И.П. Закревский, П.А. Кашкаров, А.Ф. Кистяковский, М.А. Колчин, П.Л. Кропоткин, В.Д. Кузьмин-Караваев, Н.Ф. Лучинский, П.И. Люблинский, С.В. Максимов, И.А. Малиновский, С.П. Мокринский, Н.В. Муравьев, Н.А. Неклюдов, В.Н. Никитин, Н.Я. Новомбергский, А.А. Панов, А.В. Пассек, А.А. Пионтковский, С.В. Познышев, Н.Н. Полянский, В.В. Пржевальский, А.С. Пругавин, А.И. Свирский, Н.Д. Сергеевский, В.Л. Серошевский, Н.С. Таганцев, И.Т. Тарасов, Д.Г. Тальберг, Е.Н. Тарновский, В.Н. Трапезников, Г.С. Фельдштейн, И.Я. Фойницкий, А.П. Чехов, В.Н. Юферов, Н.М. Ядринцев и др.

В своих работах они стремились соединить теоретические основы учения об уголовном наказании с практикой организации мест заключения, разработать основополагающие принципы наказания, направить институт наказания в русло исправительно-воспитательного воздействия на лиц, его отбывающих. В области организации тюремного дела особое значение придавалось изучению передового опыта зарубежных стран, анализу и оценке исторических фактов, их строгому соответствию реальной обстановке, разработке теории наказания в контексте дальнейшего развития отечественной науки уголовного права и др.

В процессе построения теории уголовного наказания русская дореволюционная правовая наука основывалась на двух ключевых положениях: 1) признание преимущества тюремного заключения перед другими видами уголовных санкций (каторга, ссылка, исправительные арестантские роты, работные и смирительные дома); 2) стремление к достижению главной цели назначенного судом наказания в виде лишения свободы — исправлению и перевоспитанию преступника. Актуальность обсуждения этих проблем в среде русских ученых-тюрьмоведов была вызвана непосредственно влиянием западных прогрессивных идей, носителями которых были известные европейские мыслители — Ч. Беккариа, И. Бентам, В. Веннинг, Дж. Говард, Дж. Кеннан и др. Например, еще в 1764 г. в своем труде «О преступлениях и наказаниях» («*Dei de litti e delle pene*») Ч. Беккариа писал, что самое верное, но и самое трудное средство предупреждения преступлений заключается в усовершенствовании воспитания. Воспитание неразрывно связано с природой правления, а потому еще долго, вплоть до далеких веков всеобщего счастья, это поле будет оставаться невовделанным [6, p. 23].

Общей закономерностью формирования в России новой пенитенциарной идеологии стало более совершенное устройство тюремной системы в Западной Европе, которая послужила образцом для развивающегося отечественного тюремоведения. Что касается непосредственно тюрьмы, то ее истоки восходят к XVI в., а ее интеграция в государственные пенитенциарные системы происходит в конце XVIII в. Именно в этот период наказание в виде тюремного заключения становится объектом научного познания [7, p. 170]. Так, П. Шпиренбург в своих исследованиях, посвященных поиску перспективных путей развития пенитенциарной науки, эволюцию телесных наказаний связывает с возникновением наказания в виде тюремного заключения. Объединяя процесс формирования института наказания с тенденциями общественного развития, он доказывает существование так называемой пенитенциарной экономики, которая отдает предпочтение стандартизации системы наказаний для решения конкретных типов социальных проблем. По мнению автора, исчезновение одного уголовного наказания в пользу другого проливает свет на происходящие социальные мутации [8, p. 11].

Со временем прогрессивные европейские круги стали приходить к выводу о необходимости деления мест заключения на тюрьмы для содержания «тяжких преступников» и «исправимых». В рассматриваемый период во многих передовых зарубежных государствах (Германия, Франция, Австрия, Пруссия) тюрьмы с одиночным содержанием арестантов уже существовали. В европейских тюремных системах строго соблюдался и принцип распределения заключенных по продолжительности сроков наказания, что существенно облегчало применение к ним общих мер исправительного воздействия. Например, во Франции места заключения делились: 1) на тюрьмы, находившиеся в ведении департаментов, в которых содержались подсудимые и осужденные на сроки до одного года включительно; 2) центральные исправительные дома, в которых преступники отбывали назначенное судом наказание на срок свыше одного года; 3) каторжные тюрьмы для лиц, приговоренных к каторжным работам [9, p. 342–343].

Германское Уголовное уложение 1871 г. устанавливало наказание в виде тюремного заключения на срок от одного дня до пяти лет. В Австрии в местах заключения устанавливался срок лишения свободы менее одного года. В Пруссии существовали следующие типы тюрем:

1) для содержания лиц, осужденных к лишению свободы, и арестованных; 2) для содержания лиц, находящихся под следствием; 3) тюремные учреждения смешанного типа, в которые заключенные помещались на срок не более одного года [10, р. 121–122].

Русские тюрьмы были лишены этих преимуществ. Кроме того, отсутствовала возможность отводить особые тюремные корпуса для политических заключенных, женщин, малолетних преступников и арестантов-инвалидов. Таким образом, начиная с XIX в. тюремное заключение получает наибольшее распространение и приобретает характер универсальной меры уголовного наказания [11, с. 129–130].

В дореволюционной научно-теоретической полемике о роли наказания в виде тюремного заключения в системе уголовных санкций ведущая роль принадлежит одному из выдающихся специалистов в области русского уголовного права — Н.С. Таганцеву, который отмечал, что применение наказания «к преступным деяниям есть право государства, которым оно может и должно пользоваться только тогда, когда это представляется необходимым и целесообразным для охраны правового порядка...» [12, с. 91].

Важность самой постановки проблемы, касающейся цели наказания, его значения и последствий, в своих работах отмечал Д.А. Дриль, который считал, что от решения этого вопроса зависит сама конструкция науки уголовного права [13, с. 202]. Ученый не отрицал того, что устрашение является одной из целей назначаемого судом наказания, однако оно не может выступать в качестве его главной цели. По мнению Д.А. Дриля, цель наказания — исправление и перевоспитание преступника. В поддержку своей позиции он писал: «В наших понятиях о наказании есть много завещанного нам веками далекого прошлого, и, не отрицая вполне устрашения, лично я мало надеюсь на его спасительное влияние. Страх не действует и не может действовать постоянно... Необходимо, чтобы в самом человеке существовали внутренние поддерживающие моменты. Но много ли делается в направлении развития последних? Когда совершается преступление, общество приходит в беспокойство и считает нужным самозащититься... Наибольший грех современных обществ состоит в том, что они слишком мало заставляют вибрировать в человеке хорошие и благородные чувства, а, напротив, возбуждают в нем из дня в день чувства дурные...» [14, с. 35].

В качестве ответственного чиновника Министерства юстиции Российской империи Д.А. Дриль неоднократно посещал тюремные учреждения как в самой России, так и за рубежом. В частности, описывая бельгийские колонии для преступников, он подчеркивал: «Внешнее устройство колоний, по крайней мере во время моего посещения, было весьма хорошо. К сожалению, нельзя того же сказать о нравственной стороне учреждения. В этом отношении колонии представляют собой помойную яму, из которой раз попавшему в нее уже трудно выбраться» [15, с. 180].

Глубоко изучив различные пенитенциарные системы, он являлся ярким противником теории «исправляющей» роли тюрьмы, на что неоднократно указывал: «Я видел тюрьмы в Германии, Англии, Франции, Италии, Бельгии, Швейцарии и Австрии. Многие из них поистине прекрасны с внешней стороны и дают значительно больше, нежели дает многим из них жизнь на свободе; для таких они — пристанища. Но что дают они со стороны нравственной? В большинстве случаев очень мало, а если и много, то в отрицательном направлении. Они дают однообразную работу, келью или совместное развращение... Но разве одна работа и келья достаточны для нравственного подъема? Разве для воспитания и исправления вашего ребенка вы запрете его на долгие годы в одиночную келью? Конечно, нет. Но сравнительно короткое время и келья может быть полезна, как одно — и притом одно из самых сильных средств, но она не панацея» [14, с. 35].

Официально принятую точку зрения об «устрашающей» роли тюрьмы подвергал жесткой критике М.Н. Гернет, который писал: «Ошибочно считать, что человек в своих действиях руководствуется лишь чувством страха перед наказанием. Последовательное проведение теории устрашения должно бы привести к восстановлению всех тех карательных мер, которые уже давно отошли в область прошлого. В настоящее время большинство целевых теорий видит оправдание наказания в служении его целям исправления преступника, при этом одни авторы говорят о нравственном исправлении, а другие — лишь о социальном. Нравственное исправление предполагает воздействие на нравственную природу виновного, а социальное — лишь приспособление преступника к условиям общежития» [16, с. 74–75].

Отстаивая идею об исправительной функции наказания в виде тюремного заключения

и оправдывая его необходимостью поддержания законности и правопорядка, М.Н. Гернет искренне считал, что «целью современного тюремного заключения является исправление преступника. Увеличение числа преступлений и рост повторной преступности доказывают, что эта цель остается не достигнутой. ...В режиме современной тюрьмы мы находим слишком много таких сторон, которые не только не содействуют исправлению заключенного, но даже озлобляют его или делают еще более упорным нарушителем предписаний уголовных кодексов» [16, с. 123–124].

Идеи М.Н. Гернета всемерно поддерживал американский ученый Дональд Клеммер. В подготовленной им классической этнографии «The prison community» («Тюремное сообщество», 1940), посвященной изучению тюремной жизни преступников, отмечалось, что пребывание в тюрьме и привыкание к этой обстановке должны неизбежно прогнозировать увеличение числа насильственных преступлений. В своей работе он анализировал процесс изоляции лиц, впервые попавших в места заключения, а также тенденции их постепенного вовлечения в тюремную субкультуру. Эта социализация, по мнению автора, была необходима для эффективной адаптации заключенных, поскольку они изо всех сил старались усвоить тюремную иерархию, нормы и правила поведения, чтобы избежать виктимизации (давления и издевательств со стороны других осужденных).

По мнению Д. Клеммера, призонизация или институционализация (prisonisation or institutionalisation) осужденных в тюремную субкультуру отдаляет их от прежнего жизненного опыта, поощряет применение насилия и способствует проявлению у них антиобщественного поведения. В результате происходят негативные психологические процессы, связанные с разрушением личности осужденного, изменяются его прежние взгляды и убеждения, возникает необходимость приспосабливаться к тяжелым условиям тюремного быта и адаптироваться в тюремном коллективе. В конечном счете все это способствует увеличению количества совершаемых преступлений [17, р. 476].

Рост преступности М.Н. Гернет связывал с такими пороками общества, как алкоголизм, проституция, безработица, нарушение прав человека, отсутствие политической и религиозной свободы, самоуправство толпы, хаос, беспорядки, анархия, правовой нигилизм, проявление

неуважения к праву и закону. Все это говорило о необходимости поиска новых подходов к решению проблемы эффективного противодействия уголовной преступности, которую он ассоциировал с проводимой государством внутренней политикой.

Ученый настаивал на том, что «каждое государство имеет таких преступников, каких оно заслуживает. В самом деле, царское правительство не давало России политической свободы, и поэтому часты были так называемые политические преступления: покушения на должностных лиц, восстания, бунты и проч. Оно стесняло нашу религиозную свободу, и поэтому многочисленны были религиозные преступления. Там, где бедняки умирают с голоду на глазах богатых, учащаются преступления против собственности. Поистине, государство имеет таких преступников, каких оно заслуживает» [18, с. 26].

Значительное влияние на развитие науки пенитенциарного (тюремного) права оказало тесное сотрудничество России с европейскими государствами, осуществлявшееся в рамках международных пенитенциарных конгрессов, в проведении которых активное участие принимали не только известные ученые (Д.А. Дриль, Л.Э. Вольфринг, А.А. Жижиленко, М.М. Исаев, И.П. Закревский, Д.В. Краинский, П.И. Люблинский, Н.А. Неклюдов, С.В. Познышев, В.К. Случевский, И.Т. Тарасов, И.Я. Фойницкий и др.), но и те, кто реализовывал передовые идеи на практике: видные общественные деятели, правозащитники, чиновники и руководители тюремного ведомства (М.Н. Анненков, А.С. Гольденвейзер, П.К. Гран, М.Н. Галкин-Враской, В.Д. Набоков, В.В. Пржевальский, А.П. Саломон, А.П. Сипягин, А.М. Стремоухов, В.А. Соллогуб, С.С. Хрулев и др.).

Особое место среди организаторов тюремного дела в России принадлежит М.Н. Галкину-Враскому, который на протяжении 17 лет (с 23 апреля 1879 г. по 28 февраля 1896 г.) являлся начальником Главного тюремного управления МВД/Минюста Российской империи. При нем были построены новые тюрьмы, упорядочены бытовые условия содержания заключенных, увеличена численность тюремного персонала, организован труд арестантов, улучшено качество их питания, усовершенствованы способы этапирования осужденных к местам отбывания наказания и т.п. Особое внимание он уделял Сибири и острову Сахалин, которые выступали традиционными местами сосредоточения лиц,

отбывающих каторгу и ссылку. В 1880–1881 гг. с инспекторской проверкой М.Н. Галкин-Враской лично посетил Сибирь и остров Сахалин. В 1885 г. в ранге вице-председателя он принимал активное участие в работе международного тюремного конгресса в Риме, а в 1890 г. был одним из трех председателей международного пенитенциарного форума в Санкт-Петербурге, по итогам работы которого был избран пожизненным главой Международной уголовной и пенитенциарной комиссии. В 1895 г. М.Н. Галкин-Враской председательствовал на международном тюремном конгрессе в Париже.

В период с начала XIX в. и вплоть до середины XX столетия международные пенитенциарные конгрессы проходили в два этапа: первый — Франкфурт-на-Майне (1846), Брюссель (1847), снова Франкфурт-на-Майне (1857); второй — Лондон (1872), Стокгольм (1878), Рим (1885), Санкт-Петербург (1890), Париж (1895), Брюссель (1900), Будапешт (1905), Вашингтон (1910) и др. Конгрессы проводились под влиянием широкого общественного движения в Западной Европе, вызванного существенными изменениями в подходах к учению об уголовном преступлении и наказании. В работе конгрессов принимали участие не только официальные лица, представляющие правительства европейских государств, но и известные ученые, практики тюремного дела, а также специалисты из различных областей знаний — врачи, педагоги, юристы, архитекторы, священнослужители, литераторы, публицисты, экономисты и др. С 1887 г. стал издаваться бюллетень, в котором публиковались не только протоколы заседаний и решения конгрессов, но и правительственные узаконения, распоряжения, инструкции, научные статьи и другие материалы, раскрывающие острые проблемы в решении тюремного вопроса.

В программах подготовки и резолюциях международных пенитенциарных форумов особое внимание уделялось повышению уровня трудовой занятости осужденных, совершенствованию организации работы тюремных мастерских, улучшению системы бытового обслуживания заключенных и т.п. Приоритет отдавался разработке принципиально новых форм и методов организации арестантских работ, в основу которых закладывались элементы коммерциализации и хозяйственного расчета. Так, на Парижском пенитенциарном конгрессе (1895) вопрос о привлечении арестантов к труду был одним из наиболее обсуждаемых. В

ходе заседаний были озвучены статистические данные о количестве заключенных, содержащихся в российских тюрьмах в 1894 г., которые свидетельствовали о том, что в центральных тюрьмах (каторжных и исправительных арестантских отделениях) среднесуточное число арестантов составляло 22 253 чел., а в местных (губернских и уездных) тюрьмах — 78 659 чел. Только в местных тюрьмах в 1894 г. содержалось 652 827 осужденных.

По мнению С.К. Гогеля, в российских губернских и уездных тюрьмах трудом было занято не более 20 % от общего числа содержащихся в них осужденных. Вследствие чего ученый сделал вывод о том, что «тюрьмы... ни в каком отношении не только не могут служить целям исправления арестантов, а прямо развращают их, объединяя преступные элементы... Таким образом, тюрьма оказывается не только совершенно бесполезным средством в борьбе с преступностью, но и учреждением развращающим» [19, с. 150–151].

После революции 1905–1907 гг., несмотря на проводимую в России жесткую карательную (репрессивную) политику, наблюдался неуклонный рост преступности, а следовательно, увеличивалась численность лиц, содержащихся в местах заключения. Чрезмерная переполненность тюремных замков негативно сказывалась на надежности системы изоляции правонарушителей, что способствовало росту числа совершаемых ими преступлений. Все это вынуждало ученых-юристов и специалистов-практиков осуществлять постоянный поиск более совершенных форм и методов организации тюремного дела. В ходе реализации в России политики уголовного правосудия ими был сделан важный вывод о том, что неперенным условием содержания арестантов в местах заключения должно стать привлечение их к общественно полезному труду. Представители передовых кругов науки российского тюремного права считали, что мощный ресурсно-трудовой потенциал пенитенциарной системы должен быть направлен на достижение главной цели — исправления и перевоспитания преступника путем его приобщения к общественно полезной деятельности. Не менее важным оставался вопрос, связанный с возмещением государственных расходов, выделяемых на содержание лиц, осужденных к наказанию в виде тюремного заключения. С экономической точки зрения тюрьма, находящаяся на полном казенном обеспечении, должна себя (хотя бы частично) оправдывать.

Подчеркивая исключительную роль арестантских работ в достижении целей уголовного наказания, С.В. Познышев указывал на то, что «хорошая организация труда в пенитенциарных учреждениях составляет одно из первых условий правильной постановки пенитенциарного дела. Праздность вообще развращает человека, а при особых условиях, в которых живут заключенные, она особенно вредна. Сознание человека, что он честно работает, поднимает его в собственных глазах, оказывает на него облагораживающее влияние» [20, с. 198].

По мнению ученого, тюрьма должна стараться прививать это сознание осужденным. Труд им совершенно необходим, чтобы у них была возможность подготовиться к честной жизни на свободе и найти себе занятие после освобождения. Широкое развитие трудовой деятельности в местах заключения соответствует основным принципам правильного устройства пенитенциарной (тюремной) системы.

В наличии очевидных преимуществ от использования арестантского труда был убежден также И.Я. Фойницкий, который писал: «Тюремная работа до такой степени важна для целого общества как один из самых серьезных карательно-исправительных элементов тюремной деятельности, что относиться к ней пренебрежительно было бы не только бесполезно, но даже вредно. ...Выбор тюремных занятий необходимо определять: а) задачами тюрьмы как меры борьбы с преступностью и б) устранением вредных последствий конкуренции тюремной работы для свободного производства. Эти, по-видимому, совершенно противоположные задачи легко примиряются между собою. ...Отсюда уже видно, чем разнообразнее работы, допускаемые тюрьмой, тем лучше и для исправительных задач тюрьмы, и для ослабления невыгодных последствий конкуренции тюремной работы со свободною. ...Исправительные задачи тюрьмы требуют доставление арестанту таких родов занятий, которые, не расстраивая его здоровья, поддерживали бы в надлежащей гармонии систему его органических сил и доставляли бы ему средства независимой честной жизни по освобождении» [21, с. 366–368].

Изучая проблемы привлечения осужденных к общественно полезному труду, М.Н. Гернет обращал внимание на то, что «занятие арестанта продуктивным трудом сокращает расходы по его содержанию, а обучение его какому-нибудь ремеслу дает ему возможность получить заработок

по выходе на свободу. ...Вообще в русских тюрьмах организация труда вызывает много упреков: занятие трудом распределено неравномерно; значительная часть тюремного населения страдает от недопущения его к работам, другая — от тяжести труда в обстановке, приводящей к болезням и преждевременной смерти. Работы разделяются на наружные и внутренние. К первым принадлежат добыча металлов и минералов, строительные, дорожные, сельскохозяйственные, кирпичные, нагрузочные, ассенизационные работы, лесные заготовки и пр.; ко вторым: портняжные, ткацкие, сапожные, переплетные, корзиночные, деревообделочные и др.» [16, с. 121–122].

На спасительную роль арестантского труда, благодаря которому преодолевались трудности нелегкой тюремной жизни, в своих произведениях указывал великий классик русской литературы Ф.М. Достоевский, прошедший суровую школу каторги и ссылки. Он писал: «Без труда... человек не может жить, развращается, обращается в зверя. И потому каждый в остроге, вследствие естественной потребности и какого-то чувства самосохранения, имел свое мастерство и занятие... Многие из арестантов приходили в острог ничего не зная, но учились у других и потом выходили на волю хорошими мастерами. Тут были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и слесари, и резчики, и золотильщики... Все они трудились и добывали копейку... Работа же спасала от преступлений: без работы арестанты поели бы друг друга, как пауки в склянке...» [22, с. 27–28].

Известный роман Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» (1860–1861) впервые представил на суд общественности мир тюремной жизни с ее судьбами, нравами, бытом. В этом произведении автор глубоко проник в сущность человеческой природы, по-разному проявляющейся в условиях отсутствия свободы. «Записки из Мертвого дома» стали неоценимым источником для изучения института наказания в виде лишения свободы в уголовном праве дореволюционной России.

Одним из наиболее ранних произведений, посвященных истории русской системы исполнения уголовных наказаний, является трехтомное издание С.В. Максимова «Сибирь и каторга» (1871) [23]. В этой работе автор рассматривает каторгу и ссылку как значимое историческое явление, которое представляет собой не только мощную государственную систему уголовных наказаний, но и как одну из сторон жизни рус-

ского общества. Несомненное достоинство этого сочинения — подробное описание быта сибирских каторжных и ссыльных. Автор проследил эволюцию русской каторги и ссылки, а также подробно описал пребывание «государственных преступников» в Сибири, начиная с опальных бояр и воевод (XVII в.) до декабристов (1825) и участников польских восстаний (1863–1864).

Еще одним бестселлером, широко освещающим историю русского тюремного быта, является объемный труд В.Н. Никитина «Тюрьма и ссылка: историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней, 1560–1880 г.», опубликованный в 1880 г. в Санкт-Петербурге частной типографией Г. Шпарварта [24]. Данная работа стала отправной точкой для научных исследований, которые проводились последующими поколениями ученых, поскольку автором был собран и представлен на суд читателя уникальный материал, раскрывающий особенности отбывания наказания на каторге и в ссылке.

Неоценимый вклад в формирование русского дореволюционного тюремоведения внесли практики — новаторы и организаторы тюремного дела в России (М.Н. Галкин-Враской, П.К. Гран, М.М. Исаев, Д.В. Краинский, В.Д. Набоков, П.П. Почтарев, А.П. Саломон, А.П. Сипягин, А.М. Стремухов, С.С. Хрулев и др.), работы которых стали серьезной основой для глубокого осмысления и широкого обсуждения передовой общественностью существующих проблем в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, что в целом повлияло на дальнейшее развитие науки пенитенциарного (тюремного) права.

В заключение отметим, что вторая половина XIX — начало XX в. — период повышенного внимания ученых, практиков, общественных деятелей к пенитенциарной (тюремной) науке, предметом изучения которой становятся общественные отношения, возникающие по поводу не только исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, но и применения иных мер уголовно-правового воздействия. Возрастающие роли наказания в виде тюремного заключения было тесно связано с широким обществен-

ным движением в Западной Европе, вызванным кардинальными изменениями в теоретических подходах к учению о преступлении и наказании. Тюрьма начала рассматриваться как эффективное средство в борьбе с преступностью, главной целью которого являлось исправление и перевоспитание осужденных. Акцентируя внимание на тюремном заключении, представители передовых кругов европейских стран начали борьбу с пережитками средневековья — смертной казнью, членовредительскими и телесными наказаниями. Европа становится центром прогрессивной пенитенциарной мысли и гуманистических идей, активное формирование которых на протяжении многих лет было предметом широкого обсуждения на международных пенитенциарных (тюремных) конгрессах.

Как видим, Россия тоже не осталась в стороне от начавшихся тюремных преобразований: с 1879 г. по всей стране в университетах начали открываться кафедры тюремоведения, складывались научные школы и публиковались фундаментальные исследования; кодификации и глубокому обновлению подвергалось тюремное законодательство, а сама система организации тюремного дела, основанная на применении принудительного труда заключенных, стала впитывать в себя передовые формы коммерциализации и хозяйственного расчета; многие новеллы пенитенциарного (тюремного) права (в частности, о сущности и содержании учения о преступлении и наказании, о целях наказания в виде лишения свободы и повышении его эффективности, о дальнейшем совершенствовании пенитенциарной системы, об управлении пенитенциарными учреждениями и организации работы тюремного персонала и др.) стали важнейшими теоретико-правовыми инструментами в деле исправления и перевоспитания преступников.

Таким образом, благодаря значительному вкладу выдающихся русских ученых, практиков и общественных деятелей в дальнейшее развитие отечественной юридической науки на рубеже XIX — начале XX столетия появляются ростки новой самостоятельной отрасли русского уголовного права, получившей неофициальное название: пенитенциарное (тюремное) право — тюремоведение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brosens D. Participation in Prison Activities: An Analysis of the Determinants of Participation / D. Brosens, L. Donder, D. Verté. — DOI 10.1007/S10610-015-9294-6 // European Journal of Criminology Policy. — 2016. — Vol. 22. — P. 669–687.
2. Уткин В.А. Отечественная наука уголовно-исполнительного права: очерк истории / В.А. Уткин. — DOI 10.17223/23088451/9/14 // Уголовная юстиция. — 2017. — № 9. — С. 69–77.

3. Рассказов Л.П. Историография пенитенциарной политики дореволюционной России / Л.П. Рассказов, С.А. Лобова // Общество и право. — 2011. — № 5 (37). — С. 14–17.
4. Грудцына Л.Ю. Формирование пенитенциарного законодательства и пенитенциарной системы России / Л.Ю. Грудцына, С.М. Оганесян, Д.А. Пашенцев. — Москва : Юркомпани, 2014. — 184 с.
5. Rousseaux X. Crime, justice and society in medieval and early modern times: thirty years of crime and criminal justice history / X. Rousseaux // *Crime History & Society*. — 1997. — Vol. 1. — P. 87–118.
6. Beccaria Ch. On crimes and punishments / Ch. Beccaria. — Indianapolis : Hackett Publishing Company, 1986. — 463 p.
7. Rousseaux X. Criminality and criminal justice in Europe 1250–1850 / X. Rousseaux // *Criminal Justice & History*. — 1993. — Vol. 14. — P. 159–181.
8. Spierenburg P. Deviance and repression in the Netherlands. Historical evidence and contemporary problems / P. Spierenburg // *Historical Social Research*. — 1986. — Vol. 37. — P. 4–16.
9. Billacois F. Pour une enquête sur la criminalité dans la France d'Ancien Régime / F. Billacois // *Annales E.S.C.* — 1967. — Vol. 22. — P. 340–349.
10. Reinke H. Crime and criminal justice history in Germany. A report on recent trends / H. Reinke // *Crime History & Societies*. — 2009. — Vol. 13, № 1. — P. 117–137.
11. Алексеев В.И. Тюремная реформа в России 1879 года / В.И. Алексеев // *Журнал российского права*. — 2008. — № 9. — С. 127–131.
12. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 2 / Н.С. Таганцев. — Москва : Наука, 1994. — 393 с.
13. Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Д.А. Дриль. — Москва : Инфра-М, 2012. — 770 с.
14. Дриль Д.А. Уголовная социология. Фрагменты работ разных лет / Д.А. Дриль // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2002. — Т. 5, № 4. — С. 32–39.
15. Дриль Д.А. Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями. Частная психология преступности. Нервные, истерики, эпилептики и оскуделые разных степеней / Д.А. Дриль. — Москва : Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. — 190 с.
16. Гернет М.Н. Уголовное право. Часть общая / М.Н. Гернет. — Херсон : Изд. Н.А. Ходушина, 1913. — 204 с.
17. Lafree G. Prison and Violent Political Extremism in the United States / G. Lafree, B. Jiang, L.C. Porter // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2020. — Vol. 36, iss. 6. — P. 473–498.
18. Гернет М.Н. Революция, рост преступности и смертная казнь / М.Н. Гернет. — Москва : Начало, 1917. — 30 с.
19. Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией / С.К. Гогель. — Москва : Инфра-М, 2009. — 386 с.
20. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки / С.В. Познышев. — Москва : Мосполиграф, 1924. — 342 с.
21. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И.Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Тип. М-ва путей сообщ. (А. Бенке), 1889. — 514 с.
22. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома / Ф.М. Достоевский. — Санкт-Петербург : Азбука, 2017. — 416 с.
23. Максимов С.В. Сибирь и каторга / С.В. Максимов. В 3 ч. — Санкт-Петербург : Тип. А. Траншеля, 1871.
24. Никитин В.Н. Тюрма и ссылка: историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней, 1560–1880 г. / В.Н. Никитин. — Санкт-Петербург : Тип. Г. Шпарварт, 1880. — 674 с.

REFERENCES

1. Brosens D., Donder L., Verté D. Participation in Prison Activities: An Analysis of the Determinants of Participation. *European Journal of Criminology Policy*, 2016, vol. 22, pp. 669–687. DOI: 10.1007/S10610-015-9294-6.
2. Utkin V.A. Russian science of penal law: a historical essay. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2017, no. 9, pp. 69–77. DOI: 10.17223/23088451/9/14. (In Russian).
3. Rasskazov L.P., Lobova S.A. Historiography of prison policy of pre-revolutionary Russia. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2011, no. 5 (37), pp. 14–17. (In Russian).
4. Grudtsyna L.Yu., Oganessian S.M., Pashentsev D.A. *The formation of penitentiary legislation and penitentiary system of Russia*. Moscow, Yurkompani Publ., 2014. 184 p.
5. Rousseaux X. Crime, justice and society in medieval and early modern times: thirty years of crime and criminal justice history. *Crime History & Society*, 1997, vol. 1, pp. 87–118.
6. Beccaria Ch. *On crimes and punishments*. Indianapolis, Hackett Publishing Company, 1986. 463 p.
7. Rousseaux X. Criminality and criminal justice in Europe 1250–1850. *Justice & History*, 1993, vol. 14, pp. 159–181.
8. Spierenburg P. Deviance and repression in the Netherlands. Historical evidence and contemporary problems. *Historical Social Research*, 1986, vol. 37, pp. 4–16.
9. Billacois F. Pour une enquête sur la criminalité dans la France d'Ancien Régime. *Annales E.S.C.*, 1967, vol. 22, pp. 340–349.
10. Reinke H. Crime and criminal justice history in Germany. A report on recent trends. *Crime History & Societies*, 2009, vol. 13, no. 1, pp. 117–137.
11. Alekseev V.I. 1879 Prison Reform in Russia. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2008, no. 9, pp. 127–131. (In Russian).
12. Tagantsev N.S. *Russian Criminal Law*. Moscow, Nauka Publ., 1994. Vol. 2. 393 p.
13. Dril D.A. *Crime and Criminals. Theory of Crime and its Counteraction*. Moscow, Infra-M Publ., 2012. 770 p.
14. Dril D.A. Criminal sociology: selected texts. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2002, vol. 5, no. 4, pp. 32–39. (In Russian).

15. Dril D.A. *Psychophysical types in their correlation with crime and its varieties. Private psychology of crime. Nervous, hysterics, epileptics and scanty of different degrees*. Moscow, A.I. Mamontov i K° Publ., 1890. 190 p.
16. Gernet M.N. *Criminal Law. General Part*. Kherson, N.A. Khodushin Publ., 1913. 204 p.
17. Lafree G., Jiang B., Porter L.C. Prison and Violent Political Extremism in the United States. *Journal of Quantitative Criminology*, 2020, vol. 36, iss. 6, pp. 473–498.
18. Gernet M.N. *Revolution, the rise of crime, and capital punishment*. Moscow, Nachalo Publ., 1917. 30 p.
19. Gogel' S.K. *A Course in Criminal Policy in Connection with Criminal Sociology*. Moscow, Infra-M Publ., 2009. 386 p.
20. Poznyshchev S.V. *Fundamentals of penitentiary science*. Moscow, Mospoligraf Publ., 1924. 342 p.
21. Foinitskii I.Ya. *Doctrine of punishment in connection with prison studies*. Saint Petersburg, Ministerstvo Putei Soobshcheniya (A. Benke) Publ., 1889. 514 p.
22. Dostoevskii F.M. *Notes from a Dead House*. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2017. 416 p.
23. Maksimov S.V. *Siberia and penal servitude*. Saint Petersburg, A. Transhel Publ., 1871. 3 vol.
24. Nikitin V.N. *Prison and exile. Historical, legislative, administrative and household situation of prisoners, transit, their children and released from custody, since the Russian prison, to the present day. 1560–1880*. Saint Petersburg, G. Shparvart Publ., 1880. 674 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кораблин Константин Климентьевич — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института Тихоокеанского государственного университета, кандидат юридических наук, профессор, г. Хабаровск, Российская Федерация; e-mail: kkorablin@mail.ru.

Остапенко Анна Борисовна — доцент кафедры иностранных языков Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент, г. Хабаровск, Российская Федерация; e-mail: ostapenko69@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кораблин К.К. Разработка концептуальных основ науки пенитенциарного (тюремного) права — тюремноведения — как самостоятельной отрасли русского уголовного права (вторая половина XIX — начало XX века) / К.К. Кораблин, А.Б. Остапенко. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(4).484-494 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 4. — С. 484–494.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Korablin, Konstantin K. — Professor, Chair of the Government Legal Disciplines, Law Institute, Pacific National University, Ph.D. in Law, Professor, Khabarovsk, the Russian Federation; e-mail: kkorablin@mail.ru.

Ostapenko, Anna B. — Ass. Professor, Chair of Foreign Languages, Pedagogical Institute, Pacific National University, Ph.D. in Sociology, Ass. Professor, Khabarovsk, the Russian Federation; ostapenko69@mail.ru.

FOR CITATION

Korablin K.K., Ostapenko A.B. Developing the conceptual foundations for the science of penitentiary (prison) law — prison studies — as an independent branch of Russian criminal law (second half of the XIX — beginning of the XX century). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 484–494. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(4).484-494. (In Russian).